

6. Максименко С. Індивідуальний підхід до учня під час уроку // Психолог, грудень 48 (48), 2007. – С. 3-5.

7. Волошина В.В. Пізнавально-психологічні детермінанти навчальної успішності молодших школярів // Особистість і трансформаційні процеси у суспільстві. Психолого-педагогічні проблеми сучасної освіти. Матеріали III Харківських Міжнародних психологічних читань. Частина 3. – Харків, 2005. – С. 28-31.

Новосад М.Е.

студент,

*Одесский национальный университет
имени И.И. Мечникова*

БЕССЛОВЕСНАЯ МЫСЛЬ: ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ СОЗНАНИЯ

Проблема соотношения мышления и языка является предметом нескончаемых споров еще со времен античности. Такие универсальные феномены, как человек, его поведение, мышление и речь интересуют исследователей и по сей день. Один из основных дискуссионных вопросов психологов и лингвистов заключается в следующем: являются ли высшие психические функции универсальными и врожденными или же они представляют собой преимущественно результат обучения, а значит, являются субъектом по отношению к культурным и социальным процессам, которые варьируются в зависимости от места и времени? В свете указанной проблематики задачей данной работы является описательная характеристика отдельных современных взглядов на особенности мышления и языка в онтогенезе человека, а также на одну из проблем изучения сознания – бессловесное мышление.

Одна из концепций, которая впоследствии дала сильный толчок к развитию идеи бессловесной мысли, является гипотеза Сепира-Уорфа. Эдуард Сепир и Бенджамин Ли Уорф – это исследователи начала XX века в области лингвистики и антропологии. Считается, что их совместная гипотеза «ошибочна», так как оба автора не имели совместных публикаций и никогда не заявляли о своих идеях как о научных разработках [4, с. 207]. Однако в научном сообществе до сих пор принято рассматривать их точки зрения именно в этом ключе. Впоследствии данная гипотеза была разделена на две составляющие: на более строгую - гипотезу лингвистического детерминизма и на более мягкую - гипотезу лингвистической относительности.

Гипотеза лингвистического детерминизма говорит о том, что язык определяет мышление и что оно заключено в его рамки, ограничено. В свою очередь гипотеза лингвистической относительности предполагает, что помимо языка, мышление формируется под воздействием культурных особенностей, в которых родился и проживал человек. Одним из примеров, который послужил основой лингвистического детерминизма, является исследование Б. Уорфом языка Хопи – коренного народа северной Америки. Задача исследователя состояла в том, чтобы

выявить различия между языком хопи и английским языком. Уорфу удалось определить, что в языке хопи нет слов, выражений и грамматических конструкций для обозначения того, что мы называем временем [6, с. 57]. Таким образом, представитель народа хопи не будет говорить «я остался на шесть дней», он скажет «я ушел на шестой день». Особенностью языка хопи является отсутствие сегментированности времени на основные составляющие (прошлое, настоящее, будущее). Мир воспринимается как единый идущий процесс.

Позднее такой взгляд вылился в два направления в развитии лингвистики. Первое - лингвистический универсализм, предполагающий, что у всех людей есть определенный набор базовых способностей, а культурными различиями можно пренебречь. Основными представителями являются Стивен Пинкер, Эрик Леннеберг и Ноам Хомски. Второе направление – лингвистический конструктивизм, который заключается в том, что свойства человеческой психики не скованы влиянием биологических особенностей, а подвержены влиянию категорий, сформированных в процессе социализации. Основными представителями являются Джон Люси, Стивен Левинсон и Лера Бородицки.

Любопытный взгляд на проблему мышления развили психологи Р. Херлбурт и С. Ахтер. Они утверждают, что помимо четырех основных особенностей внутреннего опыта (внутренняя речь, воображение, чувства и ощущения) существует и пятая, которая называется бессимволическое мышление. Бессимволическое мышление – практика точной, дифференцированной мысли, который не включает в себя опыт слов, образов или любых других символов, – часто встречающееся, но малоизвестное явление.

Авторы выделили основные составляющие данного вида мышления: 1. это собственный отдельный феномен, а не часть другого явления; 2. данное мышление является опытным восприятием, процессом опытного познания, который является одним из аспектов человеческой феноменологии; 3. такое явление существует исключительно как мышление, а не чувство, намерение, указание или состояние тела; 4. содержание бессимволического мышления эксплицитно, то есть мысль о конкретном объекте может быть воспринята во всей полноте; 5. суть данного мышления заключена в опыте; 6. оно предстает перед нами в полном объеме; 7. такое мышление не включает в себя опыт слов, образов или других символических значений [3, с. 1366-1367].

Для того, чтобы наглядно объяснить данный феномен, авторы цитируют Чарльза Сьюверта, философа сознания, который, описывая свой опыт наблюдений за собой, говорил: “My preoccupation with the topic of my book has made the world seem especially alive with examples of it, references to it, so that it can’t help but seem to me that the world is more populated with things relevant to it than previously. And it struck me that this is similar to the way in which new parenthood made the world seem to me burgeoning with babies, parents, the paraphernalia of infancy, and talk and pictures of these”¹ [5, с. 277].

¹ Озабоченность темой моей книги заставила мир казаться особенно заполненным примерами и ссылками на нее, и, хотя это и не способно было помочь, однако мне казалось, что мир намного сильнее наполнен вещами, относящимися к моей теме, чем раньше. Данное событие поразило меня своей схожестью с первым отцовством, когда мир казался мне преисполненным младенцами, родителями, основными атрибутами младенчества, беседами и образами о них.

Как утверждают Херлбурт и Ахтер, их задачей было описание данного явления, а не его объяснение. По их мнению, когда век назад данный феномен исследовался классиками интроспекции, не была сохранена существенная дистанция между попыткой его описания и объяснения. Таким образом, авторы не занимают строгую позицию и предполагают, что определенный символизм (языковой, образный) может быть тем фоном, который и будет определять бессимволическое мышление.

В свою очередь, российские психиатры и психотерапевты, И.В. Журавлев и Ю.В. Журавлева, основываясь на теории высшей психической деятельности Л.С. Выготского и деятельностном подходе А.Н. Леонтьева утверждают, что человеческое мышление и язык необходимо включено в деятельность и коммуникацию. Вслед за А.Н. Леонтьевым авторы пишут, что восприятие является активным процессом, опосредованным системой предметных значений. Они говорят: «Чтобы увидеть предмет, недостаточно просто открыть глаза: предмет не «отпечатывается» в психике, как печать на глине; для восприятия предмета нужно, чтобы между человеком и предметом сложилось отношение деятельности. Иначе говоря, нужна актуализация *формы предметной деятельности*, т.е. значения (предназначения) предмета» [2, с. 46].

Согласно авторам, для того, чтобы образ зафиксировался в сознании, мы должны понимать его предметное значение, то есть ту форму деятельности, воспринимаемую нами в самом предмете. Таким образом, Журавлевы утверждают, что «значение (предназначение) предмета, будучи зафиксировано в слове и, стало быть, продолжая существовать вне любой актуальной деятельности с предметом, может возвращаться к предмету в любой новой ситуации деятельности» [2, с. 49].

Исследователи заявляют, что о наличии образа можно судить только в том случае, если человек обладает возможностью представить (себе и другим) предмет в его отсутствии. И главное средство, способное помочь нам в представлении перед другими образа или явления – это язык. Отсюда следует: «образ (по своему происхождению) – это то, что можно разделить с другими людьми» [2, с. 51]. Авторы говорят, опираясь на утверждение представителей школы Л.С. Выготского, что «процесс развития психики – это процесс интериоризации, в ходе которого формируются высшие психические функции как социальные способы поведения, применяемые человеком по отношению к самому себе» [2, с. 52]. Тем самым Журавлевы приходят к выводу, что вследствие коммуникации, в которой находится и живет человек, мы не имеем возможности взглянуть на язык как-то иначе. Поскольку люди, чтобы быть теми, кто они есть, встроены в язык и не могут из него выйти, постольку особенности языка могут освещаться только в той мере, в какой сам человек включен в данную деятельность. Как утверждают авторы, «только оречевленная в ходе развития мысль может позволить себе роскошь обходиться без языка» [2, с. 53].

Как писал Вильгельм фон Гумбольдт, «когда в душе воистину пробуждается чувство, что язык есть не просто разменное средство для взаимопонимания, но подлинный мир, который дух внутренней работой своей силы призван воздвигнуть между собой и предметами, - тогда она на правильном пути к тому,

чтобы все больше открывать в нем и вкладывать в него» [1, с. 123]. Тем самым философ утверждает за языком особенное автономное состояние, в котором пребывает человек. При сознательном усилии внимания на данном явлении человек может как воспринять состояние, в котором находится, так и наполнить, обогатить его новыми смыслами и содержаниями.

Исходя из вышеприведенных концепций, можно прийти к выводу, что проблема соотношения мышления и языка не является разрешенной. Вокруг нее ведутся активные дискуссии в междисциплинарном научном ключе. Более глубокое исследование бессловесной мысли позволит иначе взглянуть на сознание и его атрибуты в целом. Это является основанием для ее дальнейшей разработки и более фундаментального исследования в рамках указанной проблематики.

Список использованных источников:

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию // Москва, 1984. – 400 с.
2. Журавлев И. В., Журавлева Ю. В., Слово и объект (возможна ли бессловесная мысль). Вопросы психолингвистики. 2018, 2(36), 42-57.
3. Hurlburt R. T., Akhter S. A. Unsymbolized thinking. Consciousness and Cognition. 2008, 17, 1364-1374.
4. Kennison, Shelia. Introduction to language development // Los Angeles, 2013. – 496 pp.
5. Siewert, C. P. The significance of consciousness // Princeton, 1998. – 392 pp.
6. Whorf, B. L. Language, thought and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf // Massachusetts Institute of Technology, 1956. – 279 pp.

Обитоцька В.С.

студентка;

Мазур Т.В.

кандидат психологічних наук, доцент,

Чернігівський національний технологічний університет

ОРГАНІЗАЦІЯ СОЦІАЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНОЇ ДОПОМОГИ БЕЗРОБІТНИМ У СФЕРІ ЗАЙНЯТОСТІ

Проблема зайнятості населення стала однією з найгостріших соціальних проблем, з якими зіткнулося людство у ХХІ столітті. Безробіття несе з собою не тільки бідність значним верствам населення, але й духовну та моральну деградацію людства. Тому вирішення проблеми зайнятості населення стоїть в числі найважливіших, першочергових завдань у будь-якій цивілізованій країні.

Дослідження щодо соціально-психологічної ситуації безробіття у вітчизняній науці центруються, здебільшого, навколо виявлення форм поведінкової активності безробітних, виявлення способів і механізмів, які забезпечують подолання особистісної кризи в ситуації безробіття і відновлення трудової зайнятості.